

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
КАФЕДРА ИСТОРИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО ОБЩЕСТВА

*Материалы ХLI всероссийской научной конференции
студентов, аспирантов и молодых ученых
«Курбатовские чтения» (10–12 ноября 2021 г.)*

*Издание осуществлено при поддержке
Проекта «Европейское наследие»*

Санкт-Петербург
2022

УДК 94
ББК ТЗ(0)4я431(2Р)
П78

Редакционная коллегия:
д.и.н., проф. *А.Ю. Прокопьев* (отв. редактор),
к.и.н., доц. *М.И. Дмитриева*,
к.и.н., доц. *Е.В. Кулешова*
к.и.н., доц. *Д.Н. Старостин*
к.и.н., ст. преп. *Н.А. Бережная* (бригадир выпуска)
д.и.н., ст. преп. *Е.А. Мехамадиев* (отв. секретарь)

П78 Проблемы истории и культуры средневекового общества.

Материалы ХLI всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения» (10–12 ноября 2021 г.). : сборник статей / Под ред. А.Ю. Прокопьева. СПб.: Издательство Скифия-принт, 2022. — 412 с.

ISBN 978-5-00197-024-8

УДК 94
ББК ТЗ(0)4я431(2Р)
П78

ISBN 978-5-00197-024-8

© Авторы статей, 2022
© Скифия-принт (макет), 2022
© Проект «Европейское наследие», 2022

Оглавление

ВИЗАНТИЙСКИЙ МИР

Дейкин А. Е.

Сохранение принципов стоицизма во внешней политике
Марка Аврелия. 8

Мазаев Р. М.

Апологетика Феофила Антиохийского 15

Манохин Я. В. 23

Христианская письменная традиция Кипра IV в. 23

Буздалина Е. А.

Статус *comes consistorianus* в поздней Римской империи
(IV–V вв.): происхождение, развитие
и особенности употребления 30

Козлов С. А.

Ходил ли летописец «путем из варяг в греки»? 38

Никитин А. А.

Историография изучения Большого Константинопольского
дворца: от Ш. Дюканжа до Д. Ф. Беяева 45

ИСТОРИК И ИСТОЧНИК

Михальчук А. А.

Эпитафия папы Адриана I как исторический источник 54

Федонников Н. А.

Дурные короли в политических взглядах Хинкмара Реймского
по Бертинским анналам 65

Малышев А. И.

Эсхатологический мотив в «Хронике»
Титмара Мерзебургского. 75

Ерназаров К. Ф.

Рецепция «*De re militari*» в Англии XV века: использовал ли
автор трактата «Книга Благородных» текст Вегеция? 84

Игнатъев Д. В.

Максим Грек и Михаил Триволис: ренессансная культурная
традиция и коммеморативные практики средневекового
книжника в контексте *memoria ecclesiae*. 93

Непряхин И. Ю.
«Ересь гусов» в Киевской митрополии XVI в.: состояние источников и спорные вопросы 104

Кирсанов Д. Ю.
Состояние Французского королевства в период Религиозных войн по сведениям из «Политических и военных речей» Франсуа де Ла Ну 113

ОБРАЗ И ТЕКСТ. СВОЙ И ЧУЖОЙ

Прокопенко Е. В.
Изображения союза короля и богини в средневековой ирландской литературе. 122

Шикова А. А.
Архетипы в средневековом фольклоре на примере валлийской легенды «Дева Озера». 130

Макаров А. Э.
Св. Адомнан и Пасхальный спор 137

Потапов А. П.
Образ нечестивого правителя в «Vita Sancti Anselmi» Эадмера. . . . 142

Лазарев С. С.
Конструирование образа святого Томаса Бекета в агиографических сочинениях Бенедикта из Питерборо 148

Неволина Д. Ю.
Образы мусульман в творчестве Вольфрама фон Эшенбаха 156

Битиев Д. В.
Влияние университетской культуры на концепцию любви в «Романе о Розе» 163

Раховская Е. А.
Средневековые францисканцы глазами современников по данным нарративных внеорденских источников 170

Григорьева Д. Р.
Женщина эпохи Ренессанса: исследуя трактат Дж. Боккаччо «De mulieribus claris» 177

Скареднова Е. С.
Репутация и спасение души: представления о безопасности женщины во французской дидактической литературе XIV–XV вв. 187

Джурко К. А.
Этика и эстетика Л. Б. Альберти по его трактату «Десять книг о зодчестве» 194

<i>Коробова Ю. С.</i>	«Справедливость» и «справедливое правление» в представлении Томаса Мора: реконструкция на основе трудов гуманиста	200
<i>Пузырева К. А.</i>	Отношение к иконопочитанию Жана Кальвина в «Наставлении в христианской вере».	207
<i>Яковлева А. Е.</i>	Образ повитухи в произведениях Уильяма Шекспира	214

В Л А С Т Ь И О Б Щ Е С Т В О

<i>Жиганов Р. О.</i>	Англосаксонское женское монашество как социокультурный феномен.	224
<i>Фатюхин М. А.</i>	Христианизация Норвегии по источникам Высокого Средневековья.	230
<i>Заикина Е. М.</i>	Сутерий из Сен-Дени и становление правовой культуры в Иль-де-Франсе в XII веке.	240
<i>Лозовой Я. В.</i>	Клятва верности при оммаже как инструмент конструирования власти Генриха II в «Historia rerum Anglicarum» Уильяма из Ньюбурга и «Chronica» Роберта из Ториньи	247
<i>Горобец А. С.</i>	Антиеретическое законодательство как фактор взаимоотношений церковной и светской властей в Западной Европе XII–XIII вв.	256
<i>Желнин А. С.</i>	Положение Исландии в составе Норвежского королевства в середине XIII — начале XIV вв.: от «унии» к «колонии»?	266
<i>Павлов К. В.</i>	Этика и политика в деятельности дипломата эпохи Итальянских войн: миссия Никколо Макиавелли в Перудже (1505 г.)	278
<i>Щукин С. В.</i>	На пути к Гранадской войне: кастильская Реконкиста в первой половине XV века	290
<i>Сыщикова С. Г.</i>	Анна Австрийская и ее роль в политической жизни французского двора до 1643 года.	299

<i>Яхонтова В. И.</i>	Раннестюартовский фаворитизм глазами современника: герцог Бекингом в сочинении Генри Уоттона	313
<i>Бурмистрова А. В.</i>	Основные тенденции в развитии французской монархии в конце XVI — первой трети XVII вв.	322
СИМВОЛЫ, РИТУАЛЫ, ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ		
<i>Чемезова К. Е.</i>	Развитие каменного храмостроительства в Юго-Восточной Норвегии XII в. на примере церквей в Осло	332
<i>Сергеева Е. Д.</i>	Некоторые композиционные особенности реликвариев лиможской школы XII–XIII вв. как отражение культа св. Валерии	341
<i>Зенкова М. А.</i>	Руническая надпись на надгробии св. Климента	352
<i>Рафикова А. Ш.</i>	Лицевые апокалипсисы Высокого Средневековья: антихристовая иконографическая традиция изображения дьявола.	361
<i>Медведева В. О.</i>	Образ евреев в немецкой визуальной традиции (XIV–XVI вв.) . . .	370
<i>Врионакис Е. Х.</i>	Пейзажный рисунок как часть творческого метода и процесса: сопоставительный анализ примеров графики Антверпенской и Дунайской школ.	377
<i>Пиотровская А. А.</i>	«Воскрешение праведных» или «Рай» Франческо Бассано Младшего. Новатор или подражатель?	387
<i>Статкевич В. О.</i>	Влияние творчества Давида Тенирса Младшего на художественную манеру Йооса ван Красбека	396
<i>Лю Сыцзя</i>	Ученый натюрморт в Голландии XVII века.	405

УДК 94(450).06

Павлов К. В.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории, студент магистратуры
E-mail: Kir2014Sch603@gmail.com
st055536@student.spbu.ru

Этика и политика в деятельности дипломата эпохи Итальянских войн: миссия Никколо Макиавелли в Перудже (1505 г.)

Аннотация. Статья посвящена исследованию пределов ответственности и самостоятельности дипломата эпохи Итальянских войн Никколо Макиавелли в исполнении им миссии 1505 г. в Перуджу. Актуальность проблемы связана с интересом современной науки к дипломатической истории Итальянских войн. Изучив данную миссию Макиавелли, автор делает вывод об успехе флорентинца в плане самостоятельного ведения дипломатического диалога.

Ключевые слова: Макиавелли, Бальони, Флоренция, Перуджа.

Pavlov K. V.

Saint Petersburg State University,
Institute of History, Master's program, Student
E-mail: Kir2014Sch603@gmail.com
st055536@student.spbu.ru

Ethics and politics in the activity of diplomat of the era of the Italian wars: the mission of Niccolo Machiavelli in Perugia (1505)

Abstract. The article is devoted to the study of the limits of independence of the diplomat of the era of the Italian Wars Niccolo Machiavelli in the execution of his mission in 1505 to Perugia. The urgency of the problem is connected with the interest of modern science in the diplomatic history of the Italian wars. Having studied this mission of Machiavelli, the author concludes about the success of the Florentine in terms of independent conduct of diplomatic dialogue.

Keywords: Machiavelli, Baglioni, Florence, Perugia.

Проблема деятельности дипломатов в условиях ведения войны в европейской истории позднего Средневековья — раннего Нового времени неоднократно рассматривалась исследователями с различных точек зрения. С точки зрения международного права, как отмечает американ-

ский исследователь Пол Довер, самостоятельность действий дипломата во многом зависела от его статуса в зарождавшихся бюрократических структурах позднесредневековых европейских государств. В этом отношении, в концепции Довера, позднее Средневековье и раннее Новое время были «веком секретарей» [1, р. 1]. Секретариат, как многоаспектная структура бюрократического аппарата формирующегося централизованного государства, в контексте своих дипломатических функций аккумулировал, разбирал и представлял в необходимом виде правителям и связанным с ними государственным учреждениям всю актуальную дипломатическую информацию [1, р. 1–3]. В связи с тем, что основным способом распространения информации в то время была бумажная корреспонденция, Довер предлагает использовать для международных отношений позднего Средневековья — раннего Нового времени термин *letterocracy* — «власть писем», имея в виду роль секретарей при правителях и государственных учреждениях как хранителей, получателей и отправителей писем дипломатического содержания [1, р. 4]. Следовательно, от секретарей в позднесредневековой дипломатии зависело очень многое: вся информация в форме корреспонденции так или иначе проходила через них. По мнению исследователя, раньше всего — уже к концу XV в. — «власть писем» и ключевая роль секретариата стали определять характер международных отношений в городах-государствах Италии [1, р. 5]. Развивая точку зрения Довера, итальянская исследовательница Изабелла Лаццарини отмечает: «В течение длительного периода Кватроченто, который длится примерно с 1350 по 1520 год, почти повсюду в Италии центральная канцелярия — как важнейший центр производства публичных письменных документов — также стала сердцем общественного авторитета, власти и легитимности, все больше и больше монополизируя процесс принятия решений... Внутренняя политика, дипломатическое взаимодействие, производство и сохранение документации были основными сферами деятельности канцлеров и секретарей» [2, р. 16–17]. При этом Лаццарини также указывает на выстраивание канцелярских и секретарских структур итальянскими правителями как одно из наиболее эффективных средств легитимации собственной власти в условиях регулярных трансформаций государственных режимов в городах-государствах на Апеннинах: «Эти режимы были либо республиканскими правительствами, формально, но неопределенно подчиненными империи (режимы Флоренции и Венеции в начале XV века пытались получить признание императора в качестве коллективных императорских наместников), либо княжескими или королевскими го-

сударствами, управляемыми уязвимыми наследниками императорских или папских принцев или наместников, как в Милане и Неаполе. Канцелярии активно стремились компенсировать недостаток легитимности своих правителей, определяя качество и характер их политической власти и суверенитета посредством использования документальных ресурсов» [2, р. 17]. Отдельно итальянская исследовательница обосновывает непротиворечивость и взаимосвязанность роли секретарей и канцлеров в итальянских городах-государствах периода Итальянских войн 1494–1559 гг., как дипломатов и членов учреждений внутренней политики [2, р. 24].

Противоположный взгляд на пределы самостоятельности дипломатов позднесредневековых европейских государств в целом, и в Итальянских войнах в частности, сформировался в контексте изучения военного права. Наибольшее распространение здесь получила точка зрения французского историка Филиппа Контамина, согласно которой войны позднего Средневековья мыслились европейскими властителями как войны «величества и чести» [3, с. 305], в связи с чем их полномочия дипломатического ведения войн были де-факто безграничны, а де-юре — военные дипломаты выступали лишь их исполнителями [3, с. 304]. Аргументируя данную точку зрения, Контамин указывает на экстраполяцию применения правителями юридических категорий *res* и *causa* — предмета и причины войны, в связи с чем основным инструментом абсолютизации дипломатической составляющей ведения войн для них становилась производная от этих двух — категория *casus belli*, поводов войны [3, с. 304]. В этом отношении, по предположению французского историка, войны «величества и чести» в противоположность «обычным войнам», где сражались против соседей или какого-либо линьяжа, означают кампании, когда «государи с войском отправляются или на завоевания в дальние страны, или на защиту и распространение католической веры. В свете этого Итальянские войны и Никопольский крестовый поход не отличаются друг от друга» [3, с. 305]. Вместе с тем, в контексте Итальянских войн 1494–1559 гг. необходимо подчеркнуть, что на Апеннингах в период данного конфликта существовала крепкая традиция республиканской дипломатии: значительная часть городов-государств Италии имела республиканскую форму правления и сохраняла ее в ходе войн [4, с. 435–436]. Одной из крупнейших республик Италии до 1530 г. оставалась Флорентийская республика. Для Флоренции ключевой проблемой военной дипломатии периода 1494–1530 гг. являлась проблема нахождения компромисса между двумя моделями ее регулирования: моделью в рамках

республиканского режима *governo largo* — «широкого правительства», когда в принятии важнейших государственных решений, в том числе дипломатических, участвуют многие уполномоченные на членство в магистратах достойные граждане республики, и моделью *governo stretto* — «узкого правительства», при котором подобные решения находятся в ведении малого круга аристократов на государственной службе [5, р. 60]. По мнению американского исследователя Джона Покока, цикл развития дипломатии Флорентийской республики периода 1494–1530 гг. определялся именно успехом поддержания компромисса между *governo largo* и *governo stretto* [6, с. 179–180]. Доминирование же «широкого правительства» в период правления республикой Савонаролы и «узкого» после реставрации династии Медичи в 1512 г. привело к ситуации, «когда трения между представителями элиты и теми, кто к ней не принадлежал, усилились, а Большой совет и Синьория все более явно обнаруживали неспособность к ведению внешних дел республики» [6, с. 182]. Поэтому в качестве компромиссной дипломатической политики этой тосканской республики в войнах на Апеннинах в период 1498–1512 гг. просуществовала политика вооруженного нейтралитета — «невступления» Флоренции в создававшиеся крупные лиги в ходе войн и сосредоточенность на оборонительном союзе с Францией, заключенном в 1502 г. руководившим республикой гонфалоньером Пьеро Содерини [7, с. 92]. Приоритетной целью этой дипломатии был возврат Флорентийской республике утраченного при Пьеро II Медичи владения Пизой — реализовать право власти *lo stato e l'imperio* [6, с. 189], а одной из ключевых персоналий в рамках этой цели стал секретарь управлявшего внешней политикой республики Совета Десяти Никколо Макиавелли.

В макиавеллевской историографии конца XX — начала XXI вв. появляется все больше исследований проблем, связанных с дипломатической деятельностью Никколо [7; 8; 9; 10]. Тем не менее, вопрос предела его самостоятельности как дипломата-секретаря предметно почти не рассматривался. Крупнейшей работой по данной проблематике является монография Никколо Каппони [7]. Для Каппони не столь значим вопрос влияния Макиавелли на ход политики Флоренции как такового, выражавшегося в систематическом служении им республиканской дипломатии. Анализируя отдельные эпизоды политической практики Никколо Макиавелли как секретаря флорентийской «Десятки», исследователь приходит к экстраполированному выводу о «победе» собственно макиавеллевского начала в дипломатической деятельности Никколо по отношению к требованиям Синьории [7, с. 108–111, 232–234]. Однако

далеко не все дипломатические миссии Макиавелли изучены в данном контексте. Целью данного исследования является рассмотрение проблемы самостоятельности Никколо Макиавелли как дипломата-секретаря на примере конкретной дипломатической миссии, исполненной им на службе Флорентийской республике в 1505 г., — миссии к синьору Перуджи Джанпаоло Бальони.

К 1505 г. дипломатическое положение Флорентийской республики заметно осложнилось. Предпринятая в 1504 г. попытка вернуть владение Пизой экстравагантным способом — изменением русла реки Арно с целью продовольственной блокады пизанцев — потерпела неудачу [10, с. 42]. Союз Франции и Испании в войнах на Апеннингах, закрепленный посредством заключения брака между племянницей короля Франции Людовика XII Жерменой де Фуа и королем Испании Фердинандом [11, с. 169], ставил под угрозу союз 1502 г., а вместе с ним и весь курс вооруженного нейтралитета Флоренции. Испания рассчитывала на реставрацию власти бежавших из республики представителей дома Медичи: как упоминал посол республики в Мадриде Франческо Гвиччардини, последний «старый» представитель медичейской династии Пьеро II Медичи еще поддерживал дружественные отношения с испанским королем Фердинандом Арагонским [12, с. 12]. Вместе с тем, испанцы пока не решались выступить напрямую против Флоренции, поскольку помнили о гневе французского короля на мятежных властителей итальянских городов-государств на рубежах Тосканы и их капитанов, поучаствовавших в выступлениях против республики в Ареццо в 1502 г., рассчитанных на восстановление в ней власти Пьеро Медичи [12, с. 329].

Одним из участников этих выступлений был синьор Перуджи Джанпаоло Бальони, также сторонник Пьеро [12, с. 319–320]. Вместе с тем, после неудачи выступления в Ареццо Бальони занял по отношению к Флоренции позицию благожелательного нейтралитета и даже согласился выступить по договору о кондотте в новой флорентийской кампании против Пизы [12, с. 395], однако намеченного договора не выполнил [12, с. 404–405]. Именно к нему в апреле 1505 г. предстояло направиться с миссией от флорентийского Совета Десяти секретарю флорентийской дипломатии Никколо Макиавелли. Целью миссии Никколо к Джанпаоло Бальони было либо заключение нового договора между Флоренцией и Перуджей о кондотте, необходимого тосканской республике для пополнения своих наемных отрядов, либо ратификация уже существовавшего соглашения: в инструкции к этой миссии, составленной для Никколо Советом Десяти 8 апреля 1505 г., содержится упоминание о невозмож-

ности «...воспользоваться его договором, который уже давно причиняет нам столько же вреда и огорчений, сколько и все остальное» [13, р. 2]. В контексте проблемы самостоятельности Макиавелли как дипломата инструкция от 8 апреля 1505 г. весьма показательна. Прежде всего, в ней указывается, что Макиавелли не нуждается в какой-либо дополнительной информации по повестке его задания — отношениям Флоренции и Перуджи: «Поскольку вы полностью информированы о нем, вам больше ничего не говорят о его содержании» [13, р. 2]. Очевидно, Совет Десяти, указывая на подобную осведомленность Никколо, признает его значение не только как секретаря — исполнителя республиканской дипломатии, но и как самостоятельного ее стратега. Дело в том, что как в отношении Бальони, так и в контексте проблемы франко-испанских отношений для Флоренции, Макиавелли сделал два важных и точных наблюдения, выполняя миссию в Рим в 1503 г., связанную с выборами нового понтифика. Наблюдение про синьора Перуджи упоминается Никколо в первой части поэмы «Десятилетие»: «Пошел за Валентино в Рим Бальони, к Орсини, рассчитывая сделать ему беду и переодеться в его одежды» [14, р. 371]. Действительно, успешная реализация плана политического устранения герцога Валентино Чезаре Борджиа на выборах понтифика в 1503 г. принесла ряду правителей Италии, чьи земли были захвачены герцогом, возврат законной власти. В числе «переодевшихся в одежды» герцога и вернувших себе владения оказался и Джанпаоло Бальони. Другое наблюдение секретаря флорентийской дипломатии, содержащее как раз стратегический анализ ключевых проблем для республики, указано им в письме Совету Десяти из Рима от 11 ноября 1503 г.: «Первое и важнейшее — это борьба Франции и Испании» [15, с. 41]. Таким образом, возникшие перед флорентийской дипломатией в 1505 г. угрозы — не сюрприз для Никколо Макиавелли, самостоятельного дипломата. В таком случае Совет Десяти мог предоставить ему свободу действий в исполнении миссии к Джанпаоло Бальони. Однако инструктаж его визита в Перуджу предельно подробен: в нем даже расписано, какие эмоции и в какой последовательности Макиавелли от имени республики стоит выказывать Бальони. Сначала Никколо следовало уведомить синьора Перуджи о том, что Флоренции известно о его причастности к антифлорентийским выступлениям в Ареццо [13, р. 2]. В развитие этой темы секретарь флорентийской дипломатии должен был «...затем показать ему удивление и неудовольствие, которые мы испытываем по этому поводу, и ради него, и ради нас, поскольку всегда думали, что все события с государством Перуджи у нас общие» [13, р. 2]. Далее в инструкции

развивается намек Совета Десяти на неисполнение Бальони уже существовавшего договора о кондотте с Флоренцией: так, Макиавелли предписано попытаться пристыдить синьора Перуджи за то, «...что он неблагодарен за многие блага, полученные недавно, и что ему не хватает веры в свою собственную правду» [13, р. 2]. Под «верой в собственную правду», очевидно, подразумевается легитимность восстановления сеньориального режима Бальони в Перудже после падения режима герцога. Как упоминал венецианский посол в Риме Антонио Джустиниан в письме сенату республики Св. Марка от 20 мая 1503 г., еще при власти герцога Валентино над захваченной им Перуджей в ней случился конфликт двух группировок: одну возглавлял наместник герцога, подконтрольный ему и профранцузски настроенный Карло Бальони, родственник Джанпаоло, а другую — Джироламо делла Пенна, знатный перуджинец, настроенный против власти Валентино и рассчитывавший на поддержку испанцев [16, р. 18]. В этой связи проблема Перуджи уже в 1503 г. ставила папу Александра VI, протектора герцога Валентино, перед необходимостью выбора между французской или испанской стороной [16, р. 18]. В другом письме венецианскому сенату, от 11 июня, Джустиниан упоминает интересный выход папы из этой ситуации: «Папа и государство на практике договорились с послами Перуджи: перуджинцы отдадут во власть герцога три замка» [17, р. 37]. В данном указании венецианца примечателен употребленный им в отношении договора Александра VI с Перуджей оборот *Il Papa e stato in pratica* [17, р. 37]: он указывает на то, что договор может означать не только право папы на личное посредничество в регулировании раздоров перуджинцев, но и претензию папского государства на управление Перуджей в целом. Соответственно, опираясь на этот договор, новый понтифик Юлий II, чей экспансивный настрой в отношении многих итальянских городов-государств сразу стал очевидным фактором дипломатической повестки дня в войнах на Апеннинах [4, с. 458], мог практически в любой момент объявить о притязаниях папства на Перуджу. Благодаря, в том числе, донесениям того же Макиавелли о «партиях баронов» [15, с. 41], Совет Десяти был осведомлен об этой ситуации вокруг Перуджи не меньше венецианского сената. Поэтому инструктаж его миссии в Перуджу содержит ключевое распоряжение: узнать, не связано ли «...это его раздумье» в отношении исполнения кондотты с Флоренцией простым недостатком средств, замаскировав этот вопрос под видом гипотетического предложения республики пойти на встречу перуджинскому синьору и заключить новый, возможно, более выгодный для него договор [13, р. 3]. В завершение, к инструкции

прилагается указание полезности для Макиавелли в дополнительном осведомлении о делах перуджинцев некоего «капитана местности», с которым флорентийский секретарь должен был связаться, «...проезжая через Кортону, которую мы считаем подходящей» [13, р. 3].

Как же Никколо выполнил инструкцию «Десятки» в миссии к Бальони? Для начала, в своем ответном письме об исполнении миссии от 11 апреля 1505 г. флорентийский секретарь сообщил «Десятке» о встрече с тем самым «капитаном местности», который должен был передать ему ценные подробности о текущем положении дел в Перудже: «Получив от Ваших светлостей поручение поговорить с Антонио, я остался у него; я поговорил с ним и узнал, как продвигается его дело, о чем он сказал мне, что сообщил Вашим светлостям» [18, р. 4]. Следовательно, руководители флорентийской дипломатии предположили возможность излишне самостоятельных действий Макиавелли в исполнении миссии и предпочли сами связаться с капитаном Кортонны. В результате такой несогласованности секретарь «Десятки», выполнив это поручение, лишь потерял время для основной встречи в рамках миссии — с синьором Перуджи, на что он оставляет своего рода «попрек» Совету Десяти в своем донесении, отмечая, что мог прибыть на место встречи с Бальони — в Оссайю близ Кортонны — вечером одного дня, но потратил этот вечер на беседу с капитаном Кортонны, и перед Бальони в Оссайе предстал уже утром следующего дня [18, р. 4]. Характерно, что «план» Совета Десяти, отраженный в инструкции, — вывести синьора Перуджи на разговор о кондотте посредством театрализованной комбинации упреков и предложений, — сразу не удался Макиавелли. В своем донесении он пишет, что Бальони сам повел разговор с ним об этом договоре: «Он сказал, что не сделал этого ранее, потому что не был установлен ранее; и что теперь, зная об опасностях, которые его ожидают, и о махинациях капитанов и других его врагов, и о приемах, которые так долго удерживали его в Перудже, и о том, что он скоро их обнаружит, он не видит возможности обязать себя другим без явной опасности потерять свое государство. Он сказал, что гораздо лучше срубить дерево, чем взять ваши деньги, а потом, в разгар празднества, уйти» [18, р. 4–5]. Весьма примечательно, по словам Макиавелли, что Джанпаоло Бальони также упомянул о том, что «...не был установлен ранее»: ввиду этого обстоятельства у секретаря «Десятки» отпала предполагавшаяся инструкцией руководства флорентийской дипломатии возможность «давить» на не легитимность возвращенной синьором Перуджи власти. Более того, Никколо поражен самоуверенностью перуджинского синьора, не только

не выполняющего договор с Флоренцией, но и указывающего ей на неудачи пизанских кампаний: «...И тут он высказался, осуждая эти ваши действия, о наемниках и капитанах, и обвиняя вас... в том, что, когда вы прилепились к ним и произвели его, Бартоломео и Вителли в состоянии единства, это было бы хорошо и для них, и для вас, потому что капитаны, которые являются их врагами, стали для них мелочью, а Пандольфо и Луккези, которые являются вашими врагами, остались в согласии, и Пиза пала сама собой... Он сказал, что в этом году вы можете обойтись без солдат, потому что он не видит, что вы в состоянии идти на Пизу, и что если у вас есть солдаты, вы должны оставить в покое капитанов и взять маркиза Мантуи и других людей, которые не принадлежат к этой фракции» [18, р. 5–6]. Соответственно, инструктаж флорентийского руководства для Макиавелли совершенно не оправдал себя, о чем Никколо не без иронии пишет «Десятке» в середине своего донесения об исполнении миссии: «Вот, вкратце, все, что я могу доложить Вашим светлостям в упорядоченном виде» [18, р. 7]. Далее, в своем отчете о миссии к Бальони Никколо Макиавелли указывает на действия, предпринятые им самостоятельно, без «санкции» Совета Десяти, для обоснования синьору Перуджи флорентийской позиции по договору кондотты. Никколо предпринял действительно неожиданный шаг: высказал якобы имевшееся у Совета Десяти предложение к Бальони стать во главе следующей пизанской кампании Флоренции, при этом приведя в войско республики «40 или 50 своих людей» и сделав это «как друг, а не как должник» [18, р. 8]. Помимо описания данного предложения Бальони (не предполагавшегося планом миссии), Макиавелли указывает Совету Десяти на имеющихся у него сведениях о планах перуджинского синьора: «Люди, которые дали мне эту информацию, говорят мне, что если вы не дадите ему возможности обнаружить себя, он займется своими войсками под командованием Бартоломео (по всей видимости, речь о Бартоломео д'Альвиано, кондотьере, успешно служившем тогда испанцам: в таком случае Бальони и вовсе шантажировал Флоренцию в лице Макиавелли ее положением «меж двух огней» на фоне нового франко-испанского союза.— К.П.) и других, что его вполне устроит. Говорят, что он утешал своих солдат, чтобы они оставались в добром согласии, что если он не получит денег от флорентинцев, то получит их от других, и он намекал на это, когда говорил, как я сказал выше. Он сказал, что, по его мнению, вы не можете вооружиться, а если вы вооружитесь капитанами, то они планируют отрезать им путь в Тоскану и не позволят нам взять их там любым способом» [18, р. 9].

Наличие у Макиавелли связей с частными лицами, с которыми он состоял в приятельских отношениях и которых задействовал в качестве информаторов, — еще одна характерная черта известной самостоятельности его действий по отношению к планам Совета Десяти: так, за год до миссии в Перуджу, перед визитом к Людовика XII в 1504 г., Никколо узнал от миланского приятеля, служившего в войске французского короля, о весьма плачевном положении его военных дел, что послужило отказу секретаря «Десятки» от идеи просить у Людовика дополнительные вспомогательные отряды для планировавшейся в очередной раз пизанской кампании Флоренции [7, с. 121]. Воспользовавшись раздумьем Джанпаоло Бальони над гипотетическим руководством флорентийской военной кампанией, Никколо сразу вернул тему разговора к флорентийской повестке: «Я спросил его, почему он не ратифицировал свой договор о кондотте; тогда он быстро и не задумываясь ответил, что если он нужен Вашим светлостям, то он охотно отдаст его вам. Я ответил, что у меня нет на это поручения, и что Ваши светлости ничего мне об этом не говорили, но что он может вразумить их, чтобы я мог усмотреть их намерения; поэтому он немедленно послал солдата в Перуджу к серу Валерио (сыну Джанпаоло Бальони. — *К.П.*), чтобы я мог прийти к нему; и он сказал, что хочет немедленно отправить его к Вашим светлостям с этим поручением; и мне не показалось неуместным входить в это дело» [18, р. 10]. Однако идея продолжить переговоры на флорентийских условиях, как она виделась Макиавелли из этого предложения Бальони, на деле обернулась маскировкой перуджинским синьором отказа служить Флоренции вообще: «...Когда я покинул его, он сказал мне, чтобы я дал понять Вашим светлостям, что он не желает служить им в этом году ни за какую цену и ни по какому поводу, и что если они собираются в лагерь в Пизе, он придет как друг с 40 или 50 людьми, и что заверяет их, что это не для того, чтобы обидеть их или быть с кем-то, кто их обидит, и что необходимость оставаться дома заставила его избрать эту партию, а не какую-либо другую, и что он отдал бы им этого своего сына, если бы захотел» [18, р. 10–11]. В дополнение к этому ответу, как указывает Никколо, Джанпаоло Бальони предложил ему присутствовать на показательном смотре войск герцога Урбино в Кастильоне, куда собирался отправиться сам синьор. Подобное предложение прояснило для Макиавелли слова синьора про «партию», к которой он примыкает с определенным сожалением: Бальони намекал секретарю дипломатии Флоренции на идею нового военного союза республики с Перуджей на условиях последней, к которому в случае согласия тосканской респу-

блики должен присоединиться герцог Урбино [18, р. 11]. Такое предложение не устроило Никколо, и он вернулся в Кортону: «Тогда, находясь там, я не смог бы написать и половины того, что написал, и с тех пор меня держали бы шпионом, а я был там мало милостив и мало известен Вашим светлостям, и поэтому я решил уехать, думая, что будет меньшей ошибкой вернуться туда, чем оставаться там» [18, р. 12].

Таким образом, цель миссии флорентийского дипломата, секретаря Совета Десяти Никколо Макиавелли не была достигнута: Флоренция не восстановила старый договор о кондотте с Перуджей и не заключила новый. Инструктаж же Совета Десяти, предоставленный Никколо для исполнения миссии, не только не оправдал себя, но и привел к развитию диалога между Бальони и Макиавелли, прямо противоположному предполагавшемуся последним. Никколо вынужден был в сложившейся ситуации взять на себя ответственность за самостоятельное продолжение ведения этого диалога. Вместе с тем, именно проявление самостоятельности позволило Никколо узнать как минимум два важных обстоятельства: во-первых, Перуджа и Урбино намеревались собрать военный союз и были заинтересованы во вступлении в него Флоренции, во-вторых, от успеха реализации этого намерения зависело, в том числе, благосостояние солдат перуджинского синьора. Соответственно, предположение флорентинцев о неспособности оплатить договор о кондотте как о причине отказа от его соблюдения или ратификации нового аналогичного договора полностью подтвердилось. Исходя из этого, можно сделать вывод: несмотря на то, что в миссии 1505 г. в Перуджу Макиавелли столкнулся с диктатом исполнительности как ключевого критерия эффективной службы государству в политической машине Флоренции, он показал себя смелым и тонким дипломатом, способным мгновенно анализировать складывавшуюся ситуацию и менять обстоятельства дипломатического диалога сообразно интересам своего государства.

Список источников и литературы

1. *Dover P.* The Age of Secretaries // Secretaries and Statecraft in the Early Modern World / Ed. by P.M. Dover. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016. P. 1–15.
2. *Lazzarini I.* Records, Politics and Diplomacy: Secretaries and Chanceries in Renaissance Italy (1350 — c. 1520) // Secretaries and Statecraft in the Early Modern World / Ed. by P.M. Dover. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016. P. 16–36.
3. *Контамин Ф.* Война в Средние века / Пер. с фр. Ю.П. Малинина, А.Ю. Карачинского, М.Ю. Некрасова, под ред. Ю.П. Малинина. СПб: Ювента, 2001. 416 с.

4. *Катушкина Л. Г.* Итальянские войны // История Италии в 3 т. Т. 1 / Под ред. С. Д. Сказкина. М.: Наука, 1970. С. 426–466.
5. *Gilbert F. Machiavelli and Guicciardini: Politics and History in Sixteenth-Century Florence.* Princeton: Princeton University Press, 1965. 349 p.
6. *Покок Д.* Момент Макиавелли: Политическая мысль Флоренции и атлантическая республиканская традиция / Пер. с англ. Т. Пирусской. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 888 с.
7. *Кантони Н.* Макиавелли / Пер. с англ. А. Л. Уткина. М.: Вече, 2012. 372 с.
8. *Hornqvist M.* Machiavelli and Empire. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 302 p.
9. *Борьо Ж.-И.* Макиавелли / Пер. с фр. Г. Шумиловой, И. Шумиловой, М. Троицкой. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2016. 320 с.
10. *Жиль К.* Никколо Макиавелли / Пер. с фр. В. Балакина. М.: Молодая гвардия, 2005. 130 с.
11. *Фурцев Р. В.* Проблема политической гегемонии в Европе и попытка ее решения в ходе Итальянских войн // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2012. № 8. С. 166–172.
12. *Гвиччардини Ф.* История Италии. В 2 тт. Т. 1 / Пер. с итал. и подг. издания М. А. Юсима. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2019. 744 с.
13. *Comissione data a Niccolo Machiavelli, mandato a Perugia, deliberata a di 8 di Aprile 1505 // Opere di Niccolo Machiavelli, cittadino e segretario Fiorentino.* In 8 vol. Vol. 7. Firenze: Italia, 1813. P. 1–3.
14. *Machiavelli N.* Decennali // *Opere di Niccolo Machiavelli, cittadino e segretario Fiorentino.* In 8 vol. Vol. 5. Firenze: Italia, 1813. P. 357–382.
15. *Макиавелли Н.* Легация римскому двору / Пер. с ит. А. К. Дживелегова // Н. Макиавелли. Сочинения исторические и политические. Сочинения художественные. Письма. М.: АСТ, 2004. С. 32–57.
16. *Giustinian A.* Notizie di Perugia e varie // *Dispacci di Antonio Giustinian.* In 2 vol. Vol. II. Firenze: Successori Le Monnier, 1876. P. 18.
17. *Giustinian A.* Pratiche del Papa con Perugia, Fermo ed Ascoli // *Dispacci di Antonio Giustinian.* In 2 vol. Vol. II. Firenze: Successori Le Monnier, 1876. P. 37.
18. *Machiavelli N.* Legazione a Gianpaolo Baglioni, di 11 Aprilis 1505 // *Opere di Niccolo Machiavelli, cittadino e segretario Fiorentino.* In 8 vol. Vol. 7. Firenze: Italia, 1813. P. 4–12.

Научное издание

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО ОБЩЕСТВА

*Материалы ХLI всероссийской научной конференции
студентов, аспирантов и молодых ученых
«Курбатовские чтения» (10–12 ноября 2021 г.)*

Под редакцией
А. Ю. Прокопьева

Издательство «Скифия-принт».
Санкт-Петербург, ул. Большая Пушкарская, д. 10

Корректурa — *Феофанова Ю. Б.*
Верстка — *Лубина А. А.*

Подписано к публикации 09.03.2022. Заказ №7563
Формат 60×90 1/16.
Усл. печ. л. 25,75.

Издательство Скифия-принт.
Санкт-Петербург, ул. Большая Пушкарская, д. 10